

ФАНТАСТИКА НАУЧНАЯ И НЕНАУЧНАЯ: ТВОРЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ХУДОЖНИКОВ XIX в.

© Елена Викторовна БОРОДА

доктор филологических наук, зав. кафедрой профильной довузовской подготовки
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: lenavladim@rambler.ru

Уделено внимание истории развития научной фантастической прозы XIX века. Показана платформа, на которой базируется отечественная научная фантастика. Продемонстрирована связь русской фантастической литературы с мифологией и авторской сказкой, проведена параллель между фантастической прозой и традициями романтизма. Представлен краткий анализ наиболее характерных образцов фантастики XIX века. Роль фантастики состоит не только в популяризации научных знаний и развлекательной функции. Произведения научной фантастики затрагивают фундаментальные научные и философские проблемы, позволяют оценить те или иные явления действительности с учетом современных представлений о мире. А прием фантастического допущения демонстрирует взгляд на мир с другого ракурса. В этой связи определенный интерес представляет эволюция фантастической прозы в период с XIX в. до наших дней. Акцент сделан на период зарождения и оформления отечественной фантастики. Предметом анализа являются известные произведения писателей XIX века, работавших в русле фантастики: «Косморама» и «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi» В.Ф. Одоевского, «Опал» И.В. Киреевского, «Вальтер Эйзенберг» К.С. Аксакова. Эти фантастические повести демонстрируют влияние наиболее характерных литературных тенденций XIX века.

Ключевые слова: научная фантастика; мифология; авторская сказка; романтизм; мистика; мир идей

Продолжительное время научная фантастика находилась на периферии научных интересов. Острый сюжет, необычные персонажи и атрибутика, особым образом организованное художественное пространство заставляли относить фантастику к возрастному, подростковому, кругу чтения. Однако роль фантастики не ограничивается популяризацией научных знаний и развлекательной функцией. Произведения научной фантастики поднимают вопросы, связанные с глобальными философскими проблемами, развитием науки, самосознанием человека и местом его в современном мире. Изучение фантастической прозы в школе способствует расширению знаний в области истории русской литературы [1–5].

Фантастическая проза XIX века по сравнению с XX веком не имеет четко выраженной платформы. Однако существуют базовые явления, на которые она опирается и связь с которыми очевидна [6–8].

Во-первых, миф. Традиционная мифология, система легенд, языческих верований представляют определенный материал для фантастических интерпретаций. Благодаря мифу расширяется художественное пространство прозы писателей XIX века. Миф по-

зволяет говорить о повседневных вещах, повышая «градус таинственности» и благодаря этому придавая тексту особое звучание. Влияние мифологии отчетливо слышится, например, в творчестве О.М. Сомова (1793–1833). Художественный мир его фантастических повестей («Кикимора», «Русалка», «Киевские ведьмы», «Сказки о кладах») изобилует славянскими мифологическими мотивами.

Во-вторых, авторская сказка. В прозе XIX века жанровые границы между авторской сказкой и фантастической повестью настолько размыты, что порой одно и то же произведение можно классифицировать как авторскую сказку и фантастическую повесть. Тем не менее, определенные признаки дифференциации все-таки существуют. Например, авторская сказка XIX века чаще всего отличается нравоучительным или познавательным характером. Достаточно вспомнить волшебную повесть «Черная курица, или Подземные жители» А. Погорельского (1787–1836), в которой настойчиво утверждается добродетель и прилежание и порицается лень и гордость.

Сущность фантастических повестей другая. Их авторов интересует прежде всего че-

ловек и способ его взаимодействия с миром. Фантастическое допущение в таких произведениях очень часто связано с мотивом испытания. Необычные обстоятельства, в которые попадают герои, необычные предметы, обладателями которых они становятся, сверхъестественные события, в центре которых они оказываются, – все это служит проверкой их душевных и физических сил.

В-третьих, романтизм. Фантастическая повесть XIX века во многом унаследовала романтические традиции русской литературы. Для фантастических произведений характерно романтическое двоемирие, торжество мечты, деление мира на сферу реального и идеального. Однако в отличие от романтизма, в фантастической повести понятие идеального мира заменяется понятием мира воображаемого. И этот воображаемый мир не всегда соответствует идеалу и не всегда отличается от действительности в лучшую сторону. Например, в «Космораме» В.Ф. Одоевского (1803–1862) мир, показанный внутри чудного прибора, вовсе не является романтическим пристанищем героя. Наоборот, обладание некоей тайной, умение жить в обоих мирах приносит герою только страдания [9].

Фантастическая повесть XIX века тяготеет к описательности, которая читателю современному может показаться излишней. Чтобы отправить читателя в фантастическую страну, писатели того времени тщательно готовили почву. Иная действительность жила по другим законам, и законы эти нуждались в обосновании. Читателя не ввергали в воображаемый мир сразу, но, словно почетного гостя, водили от картины к картине, для того чтобы он принял условия игры. И уже потом начал играть.

Еще одна сфера, где фантастическая повесть могла черпать вдохновение, – мистика. В XIX веке процветали увлечения нетрадиционными духовными учениями: от масонства до мистического христианства. Переживание сверхъестественного, мистический опыт лег в основу некоторых фантастических повестей этого периода.

В 1830 г. И.В. Киреевский (1806–1856) пишет «волшебную сказку» под названием «Опал». Тайное, необъяснимое, неявленное сопровождает все события, описанные в сказке. На создание «Опала» повлияла увлеченность автора рыцарскими романами. В то

же время И.В. Киреевский настаивал на мысли об интуитивном постижении бытийных закономерностей. Не последнюю роль, наконец, играет изучение И.В. Киреевским немецкого романтизма и немецкой философии. Таков контекст данного произведения, несколько необычного для творчества известного славянофила.

Герою сказки доблестному воину Нурредину сопутствует удача. Прочное положение воина в этом мире в первую очередь объясняется тем, что он не имеет слабостей. «Ни звон стаканов, ни песни трубадуров, ни улыбки красавиц не прерывали ни на минуту однообразного хода его мыслей; после битвы готовился он к новой битве; после победы искал он не отдыха, но задумывался о новых победах, замышлял новые труды и завоевания» [10, с. 31].

Не имея возможности повлиять на душу воина и уязвить его разум, чернокнижник обращается к темным силам мироздания, более древним, чем люди с их страстями. Счастливая звезда Нурредина падает с неба, и это, по-видимому, должно привести к низвержению славы воина. Однако звезда воплощается в камень, и этот камень попадает в руки Нурредину. Связь человека со звездой подчеркивает неразрывность двух миров: мира идей и их воплощения на земле. Удача отворачивается от полководца. В сказке все происходит быстро. При всей пространности описаний действие рассказа сконцентрировано, события там и здесь отражаются друг в друге почти мгновенно. Звезда падает – Нурредину грозит поражение. Однако его слава меркнет не сразу после того, как он лишается своего звездного покровительства, а в тот момент, когда он заглядывает внутрь необычного камня. Волшебный камень становится небесной слезой, средоточием божественного сияния, материальным воплощением звездного света и музыки. Музыка в представлении романтиков является универсальным языком мироздания. Это язык небесных сфер, который не нуждается в переводчиках, но требует тонкой организации души и «настроенность» внутреннего камертона.

Нурредин поражен новыми для него чувствами. Обладание опалом, как и падение звезды, для героя становится не проклятием, но испытанием. Что произойдет с душой, когда она соприкоснется с миром, который за

гранью нашего понимания? Нурредин, который едва узнавал свою звезду на небе, теперь поглощен ее воплощением на земле. Камень открывает ему безмерный космос, царство света, где нет смерти, а есть лишь вечное блаженство. Тем мучительнее переживается человеком разлука с идеалом. Приобщившись к вечности, душа тяготится временным пребыванием в пределах грубой реальности.

Фантастический сюжет в «Опале» не выходит за рамки романтической концепции борьбы идеального и реального. Вводя в сюжет элементы необъяснимого, И.В. Киреевский пытается показать масштаб личности и ее деяний в общей системе мироздания. Человек ничтожен, даже самый замечательный и великий человек. Любая, даже самая сильная человеческая воля не превзойдет провиденциальной воли.

У К.С. Аксакова (1791–1859) в рассказе «Вальтер Эйзенберг» (1836, другое название – «Жизнь в мечте») противостояние земного и надмирного раскрывается в теме художественного творчества. Герой рассказа – одаренный юноша Вальтер Эйзенберг. Он влюбляется в прекрасную Цецилию, оказавшуюся демоном мести. Девушка подчинила себе волю возлюбленного, выпила его душу, заставила отказаться от собственных чувств и привязанностей.

Герой едва не умер от горя и потрясения. Исцеление приходит к нему, когда он возвращается к занятиям живописью. Вальтер творит свой собственный мир, воплощенный в картине. Это прекрасный пейзаж, который оживляют три грации. Все самое лучшее, доброе, чистое и светлое, что есть у художника в душе, он вложил в эти образы. И они становятся поддержкой для него в реальной жизни.

В XIX веке мотив ожившей картины использовался разными художниками. Н.В. Гоголь, например, годом ранее пишет повесть «Портрет» (1834), в которой образ, воплощенный на полотне, способен оказывать влияние на окружающих его людей. А чуть позже В.Ф. Одоевский рассказывает историю “*Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi*” (1844). Это история несчастного архитектора, гениального Пиранези, одержимого собственными грандиозными идеями. Образ Пиранези – это вариант вечного жида, странника, скитальца, неспособного обрести по-

кой. Фантастический сюжет этой истории получает обоснование в идее преображающей силы творчества. Благодаря воображению художник может создать собственный мир, способный жить своей жизнью, независимо от творца. Более того: этот мир обладает силой подчинить себе своего создателя. «Я узнал теперь горьким опытом, что в каждом произведении, выходящем из головы художника, зарождается дух-мучитель; каждая картина, каждая черта, невзначай проведенная по холсту или бумаге, служит жилищем такому духу. Эти духи свойства злого: они любят жить, любят множиться и терзать своего творца за тесное жилище...», – восклицает несчастный архитектор [11, с. 73]. Пиранези ослеплен собственным честолюбием. Цемент его замков, мостов, крепостей и дворцов замешан на амбициях. Потому нереализованные создания архитектора причиняют ему боль.

В истории Пиранези творение стремится подчинить себе собственного творца, перетянуть на темную сторону. У К.С. Аксакова грации становятся поддержкой художника. Они, напротив, дают ему силы жить в настоящем мире.

В борьбе за душу Вальтера они одерживают верх. Вновь встретив Цецилию, молодой художник колеблется: сжечь, по ее требованию, свою лучшую картину или оставить картину и лишиться своей странной возлюбленной. Жить в этом мире, сделав то или другое, он не сможет. Поэтому Вальтер избирает единственный спасительный путь: убегает в собственный мир. Он рисует на полотне самого себя и умирает в реальной жизни. Мечта торжествует.

Точно так же мечта торжествует и в «Опале». Влекомый к деве Музыке, показавшейся в камне, Нурредин забывает обо всем на свете. Ему теперь неинтересна воинская слава, государственные проблемы, его не пленяют звуки битв и упоение победой. Все тлен и прах по сравнению с прекрасным миром вечности и звездного сияния. Нурредин оказывается повержен своими соперниками. Однако он жалеет не об этом. Лишившись опала, он страдает больше, чем когда его столицу осаждают противники, а его самого изгоняют из дворца. Это становится самой большой потерей. «Суэта все блага земли! Суэта все, что обольщает желанья

человека, и чем пленительнее, тем менее истинно, тем более суета! Обман все прекраснее, и чем прекраснее, тем обманчивее; ибо лучшее, что есть в мире, это – мечта», – заключает автор словами своего персонажа [10, с. 42].

Итак, фантастическая литература XIX века непосредственным образом связана с романтической традицией, развивает ее принципы, вводя новые мотивы, но оставаясь в русле устоявшихся эстетических концепций романтизма. В соперничестве идеального и реального авторы отдают приоритет первому [12]. Однако в системе романтических ценностей уход героя в область иномирного не воспринимался как эскапизм. Фантастика показывала приоритет идеального мира как торжество вечности над временным пребыванием в земной реальности. Люди, предпочитавшие покинуть «долину скорбей» по собственной воле, показаны авторами XIX столетия как герои, обладающие внутренним зрением, способные отличить подлинное от поддельного, истинное от ложного. А истинным оказывается мир идей, по сравнению с которым его земное отражение – только тусклая копия.

Список литературы

1. Головачева И.В. О соотношении фантастики и фантастического // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. Вып. 1. С. 33-42.
2. Ковтун Е.Н. Кросс-культурные коды фантастики: программа межфакультетского курса. Уфа: Ред.-изд. центр Башкир. гос. ун-та, 2013. 12 с.
3. Неелов Е.М. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Теория и история русской фантастики». Петрозаводск: ПГУ, 2012. 18 с.
4. Тамарченко Е.Н. Уроки фантастики // Поиск-87: Приключения. Фантастика: Повести, рассказы, критика, библиография. Пермь, 1987. С. 367-397.
5. Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. М.: УРСС, 2004. 240 с.
6. Волженина Е.В. Феномен массовой культуры в восприятии русских символистов конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 24 с.
7. Головачева И.В. Размышления о теориях научной фантастики 2000-х гг. // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. Вып. 2. С. 18-27.
8. Гопман В. Золотая пыль. Фантастическое в английском романе: последняя треть XIX – XX в. М.: РГГУ, 2012. 488 с.
9. Прашкевич Г. Красный сфинкс. История русской научной фантастики от В.Ф. Одоевского до Бориса Штерна. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2007. 600 с.
10. Киреевский И.В. Опал // Молекулярное кафе. Антология / сост. Ф. Алымов. М.: Молодая гвардия, 1988.
11. Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1989.
12. Фуко М. Что такое автор? // Современная литературная теория. М., 2004. С. 69-92.

References

1. Golovacheva I.V. O sootnoshenii fantastiki i fantasticheskogo [On the relation of fantastica and the fantastic] *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika – Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2014, no. 1, pp. 33-42. (In Russian).
2. Kovtun E.N. *Kross-kul'turnye kody fantastiki: programma mezhfakul'tetskogo kursa* [Cross-cultural codes of Fiction: the Program of Interfaculty Course]. Ufa, Editorial and publishing centre of the Bashkir State University, 2013. 12 p. (In Russian).
3. Neelov E.M. *Uchebno-metodicheskiy kompleks po distsipline «Teoriya i istoriya russkoy fantastiki»* [“Theory and Practice of he Russian Fiction”: Educational and Methodical Complex]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012. 18 p. (In Russian).
4. Tamarchenko E.N. *Uroki fantastiki* [The Lessons of Fiction]. *Poisk-87: Priklyucheniya. Fantastika: Povesti, rasskazy, kritika, bibliografiya* [The Search-87; Adventures. Fiction: Short Novels, Stories, Literary Criticism, Bibliography]. Perm, 1987. (In Russian).
5. Frumkin K.G. *Filosofiya i psikhologiya fantastiki* [Philosophy and Psychology of Fiction]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 240 p. (In Russian).
6. Volzhenina E.V. *Fenomen massovoy kul'tury v vospriyatii russkikh simvolistov kontsa XIX – nachala XX v.* [Mass Culture Phenomenon in the Russian Symbolists' Perception at the end of XIXth – beginning of the XXth century]. *Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk*. Moscow, 2015. 24 p. (In Russian).
7. Golovacheva I.V. *Razmyshleniya o teoriyakh nauchnoy fantastiki 2000-kh g.* [Thoughts about Science Fiction Theories of 2000s]. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika – Vestnik of St. Petersburg State*

- University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2013, no. 2, pp. 18-27. (In Russian).
8. Gopman V. *Zolotaya pyl'. Fantasticheskoe v angliyskom romane: poslednyaya tret' XIX – XX v.* [The Golden Dust. Fiction in the English Novel: the last third of the XIX – XX century]. Moscow, Russian State University of Liberal Arts Publ., 2012. 488 p. (In Russian).
 9. Prashkevich G. *Krasnyy sfinks. Istoriya russkoy nauchnoy fantastiki ot V.F. Odoevskogo do Borisa Shterna* [The Red Sphynx Cat. The History of the Russian Science Fiction from V.F. Odoevsky to Boris Shtern]. Novosibirsk: Svinin and His Sons Publ., 2007. 600 p. (In Russian).
 10. Kireevskiy I.V. *Opal* [The Opal]. *Molekulyarnoe kafe. Antologiya* [The Molecular Cafe. The Anthology.], compiler F. Alymov. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1988. (In Russian).
 11. Odoevskiy V.F. *Povesti i rasskazy* [Stories and Short Novels]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1989. (In Russian).
 12. Fuko M. *Chto takoe avtor* [What is the Author Like]? *Sovremennaya literaturnaya teoriya* [Modern Literary Theory]. Moscow, 2004, pp. 69-92. (In Russian).

Поступила в редакцию 03.06.2016 г.
Received 3 June 2016

UDC 83-2

SCIENCE FICTION AND NON-SCIENCE FICTION: CREATIVE EXPERIMENTS OF THE ARTISTS OF XIX CENTURY

Elena Viktorovna BORODA

Doctor of Philology, Head of Specialized Pre-university Preparation Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: lenavladim@rambler.ru

The attention is focused on the history of science fiction of the XIX century. The ground on which the Russian science fiction is based on, parallels between it are drawn mythology and literary fairy-tale are described. Also the connections between unscientific fantasy and certain romantic traditions on base of some most well-known works written in this genre are analyzed. Science fiction performs much more functions than just entertainment or popularization of scientific knowledge. Literary works written in this genre, touch upon fundamental scientific and philosophical problems, help us to weigh up facts of reality, taking into consideration modern picture of the world. Method of fictitious assumption, used by the different writers, makes possible viewing the world from a new perspective. In connection with that, the development of science fiction from the XIX century up to nowadays, seems especially interesting and important. The attention is focused on the period, when Russian science fiction was just born, analyzing such well-known literary works as “A Cosmorama” and “Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi” by V.F. Odoevsky, “Opal” by I.V. Kireevsky, “Walter Eisenberg” by K.S. Aksakov, which demonstrate the influence of the most typical tendencies of literature in the XIX century.

Key words: science fiction; mythology; literary fairy-tale; romanticism; mysticism; the world of forms (ideas)

Информация для цитирования:

Борода Е.В. Фантастика научная и ненаучная: творческие эксперименты художников XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 57-61.

Boroda E.V. Fantastika nauchnaya i nenauchnaya: tvorcheskije eksperimenty khudozhnikov XX v. [Science fiction and non-science fiction: creative experiments of the artists of XIX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulyturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2016, vol. 2, no. 4 (8), pp. 57-61. (In Russian).